

Прошло 11 лет с той поры, когда я встретился с Лоренцом в Берлине. 27 февраля 1989 г. его не стало. За год до этого ушел из жизни его ученик и последователь Нико Тинберген, тоже нобелевский лауреат. Оба они получили Нобелевскую премию «за исследования социального поведения животных». Оба они были похожи в своем стремлении писать книги о животных. Только у Нико Тинбергена книги получались другие. Но об этом – отдельный разговор.

ИМИТАЦИОННО-АКУСТИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ МЕЖДУ ЧЕЛОВЕКОМ И ПТИЦАМИ

О.Л.Силаева (Москва)

Общение с птицей на основе подражания ее голосу всегда имело огромное значение для орнитологов, этологов, биоакустиков. Такое общение способствовало более глубокому изучению акустической сигнализации, поведения и рассудочной деятельности птиц.

К.Лоренц также много внимания уделял общению с птицами на основе подражания их сигналам. Он использовал собственные видовые сигналы птиц для контактов с ними, другими словами – он пытался общаться со своими ручными, полуприрученными и домашними птицами с помощью их собственного «языка». И ему это в значительной степени удавалось. Вспомним хотя бы его контакты с вороном Роу, большим желтохохлым какаду, галками, криквами, серыми гусями и другими птицами. В основе такого общения лежало глубоко знание исследователем акустической сигнализации животных, в частности, птиц. Это позволило ему заявить, что царь Соломон был не единственным человеком, способным разговаривать с животными. В середине XX в. Лоренц писал, ссылаясь на работы этологов, что «путем изучения «словаря» высокоорганизованных общественных видов млекопитающих и птиц можно достигнуть изумительного подражания и взаимного понимания» (Лоренц, 1970, с.6). Он утверждает также, что полное взаимопонимание между человеком и животным вполне возможно, и подкрепляет свое высказывание описанием эпизода общения этолога Альфреда Зейтца с утятами и гусятами (Лоренц, 1970).

Стремление человека установить имитационные контакты с птицами уходит своими корнями в глубокую древность, в эпоху становления звуковой активности самого человека, т.е. его речи и музыки. Признавая первостепенное значение звуковой среды в формировании человеческого языка, мы можем реконструировать становление имитационно-акустических контактов между птицей и формирующимся человеком в эпоху дореческого развития,

когда разнообразные звуковые имитации нашего предка, копирующие окружающую звуковую среду, легли в основу звуковой активности человека.

Однако, в современную эпоху имитационно-акустические контакты с животными, в частности с птицами, формировались человеком, находящимся на новом совершенном уровне развития своей акустической сигнализации. Именно такие имитации использовались Лоренцом и его современниками, их же продолжают использовать и сейчас этологи и биоакустики. При этом особого внимания заслуживают имитационные контакты человека с птицами, давшие начало элементам человеческого языка. Рассмотрим их более подробно.

Наиболее тесные контакты человека с птицами начались в период приручения их человеком, т.е. одомашнения. Приручение было бы невозможным без установления определенного рода экологических контактов между человеком и птицей. Основу этих контактов составили акустические. Голосовые и слуховые разрешающие возможности по частоте у человека и современных домашних птиц лежат примерно в тех же пределах. Вокализация этих видов разнообразна, но поддается расшифровке и классификации. Имитационный процесс охватывает не только звукоподражательную деятельность человека при общении с птицами, у него есть и другая сторона, это – так называемые говорящие птицы, которые, вступая в контакт с человеком, имитируют человеческую речь. Явление акустического общения человека с птицей основано, таким образом, на двойной имитации, то есть на взаимных, осознанных (со стороны человека) и неосознанных (со стороны птицы), попытках подражать голосу чужого вида.

Говорящая птица имитирует речь своего хозяина; человек имитирует голос птицы, общаясь с дикими и домашними видами. Общение, как с дикими, так и с домашними видами, возникло на основе имитации человеком их голоса, т.е. и у того, и у другого явления общие корни – самые разнообразные имитационные варианты сигналов птиц – от чисто голосовых и инструментально-манковых имитаций, включая магнитофонные записи сигналов птиц и синтезирование их сигналов, до лексических имитаций, сформировавшихся в процессе использования их человеком в звукоподражательные вокативы, существенные и глаголы, т.е. в звукоподражательную лексику.

В результате акустических контактов человека с птицами на основе сигнализации птиц образовалась целая имитационно-лексическая система общения. Что касается чисто голосовых, инструментально-манковых, а также лексических имитаций, типа «ку-ку, кар-кар», то в этих случаях почти нет сомнений в их звукоподражательном происхождении.

Попытаемся расшифровать единицы общения человека с домашней птицей, в частности с курицей, с биолингвистической точки зрения; вскрыть происхождение и корни слов кличка, т.е. позитивных вокативов общения с ку-

рами в русском языке (негативными считаются слова отгона животных и птиц), а также показать звукоподражательный характер таких слов как «курица», «цыпленок» и т.д., привлекая примеры из других родственных и неродственных языков. Тем самым мы постараемся показать, что все эти лексические единицы входят в качестве составных частей в имитационную систему общения человека с птицами.

В период, когда еще не было разделения птиц на диких и домашних, т.е. все птицы были дикими, человек, пытаясь подманить их на расстояние удара из своего допотопного оружия, должен был точно симитировать нужный сигнал, в ту пору не могло появиться лексических звукоподражаний, типа «цып-цып» или «кур-кур», для привлечения птиц по двум причинам: во-первых, возможно, что и языком, в нашем современном понимании, человек еще не владел, и, во-вторых, как уже было отмечено, для подманивания птицы нужно было использовать очень точную копию ее собственного сигнала, как это происходит сейчас при привлечении диких птиц. Дивергенция имитационного процесса приходится на тот период, когда прирученные человеком птицы были одомашнены настолько, что для их призыва с целью покормить не требовалось уже воспроизводить точный кормовой сигнал – достаточно было его стилизованного варианта, приближающегося к нашему общепринятому «цып-цып» или «тип-тип», которое стало акустическим подкреплением пищевого рефлекса, стимулируемого еще и визуальным видом человека с кормом. Это практически то же, что мы имеем сейчас, наблюдая картину кормления кур хозяйкой.

Имитационный процесс общения с дикой птицей мало в чем изменился к настоящему времени. Разве только пресс охоты сделал диких птиц еще более осторожными, что вынудило человека прибегнуть к более совершенной имитации их голоса с привлечением звукозаписывающей техники, а также манков и других вспомогательных средств. Кроме того, сказались также имитационное несовершенство акустического аппарата человека, его «настроенность» на произнесение артикулированных человеческих звуков. Необходимость копирования птичьих сигналов в более поздние периоды развития человека явилось толчком к изобретению и конструированию различных технических вспомогательных средств имитации голосов птиц для их привлечения в охотничье-промысловых целях, а также в настоящее время – на орнитологических экскурсиях, с целью фотографирования и т.д.

Курица считается наиболее древней домашней птицей. Наука не имеет точных указаний на время одомашнения кур. Но, так как основной массив диких кур находится в Индии, то их воспроизводство взамен или наряду с охотой на них могло начаться еще в неолите. По данным, которые приводит Ч.Дарвин, ссылаясь на китайскую энциклопедию, составленную по древним источникам, куры были ввезены на восток (т.е. в Китай) из их родины Индии

и Индо-Китая при династии, царствовавшей за 1400 лет до н.э. Есть также предположение, что куры были одомашнены во втором тысячелетии до н.э. И на территории России курица явилась одной из первых домашних птиц. В результате, видимо, такого широкого распространения, а, следовательно, и общения человека с курами, возникло наибольшее количество имитационных вариантов этого общения по сравнению с таковыми других домашних птиц.

По своему характеру, имитации сигналов кур и сигналов диких птиц подразделяются на голосовые, инструментально-манковые (с использованием звукозаписывающей и звуковоспринимающей аппаратуры), лексико-голосовые (звукоподражательные вокативы и народно-описательные имитации) и чисто лексические (звукоподражательные слова: существительные, глаголы и т.д.).

В зависимости от сигнала-основы также намечаются определенные классы среди вокативов-имитонов, а, следовательно, и возникших на их основе звукоподражательных названий самой птицы. Мы попытались систематизировать слова клича для кур. Прежде чем перейти к рассмотрению данных классов, следует остановиться на реакции кур при предъявлении им имитационных сигналов разного характера. Их реакция на лексико-акустическую имитацию «цып-цып» или ее вариант известна, это – ярко выраженное кормовое поведение. При предъявлении курам или цыплятам голосовой и не очень совершенной имитации их собственных сигналов наблюдается реакция прислушивания, некоторые куры неуверенно приближаются. При предъявлении более или менее совершенной магнитной записи их собственных сигналов, реакция кур определена – они отвечают на сигналы,стораживаются.

Первый класс имитационных вариантов основан на контактном сигнале кур, который с помощью средств русского языка можно воспроизвести как нечто похожее на «ко-ко-ко», «кор-кор-кор» или «кур-кур-кур». В разных языках по-разному имитируется этот сигнал, но почти везде между согласным «к» и «р» присутствует гласный заднего ряда: «о», «у», «ы». Вокатив «кур-кур» употребляется для призыва кур в русских говорах (ленинградская, тульская и рязанская области). Этот вокатив образует корень названий петуха, курицы, индюка, павлина, цыпленка: павлин – «коурь морьский», цыпленок – «кура». Несколько названий петуха: «куран» (вятские говоры), «кураш» (вологодские, псковские), «курыль» (псковские), «курыш», «курун», «курехта» для индюшки. У донских казаков – «куруша», у литовцев петух – «кирка», у персов – «shurus». Тот же автор приводит еще примеры из чувашского и мордовского языков: «курка» - индейка; зырянского языка и пермского говора: «курэг» - курица; вотского: «курег», «курега». По-удмурдски, индейка, индюк – «куркан». В аварском языке курицу-наседку призывают словом «кьруш» (от «кьруш» - наседка), в лакском – слово «наседка» также имеет в своей основе «кьурк». Чанское «куркати» - кудахтать, «корме» - курица, так-

же вряд ли, как считает А.И.Германович, явились заимствованиями, скорее это библингвистические параллелизмы, как и все упомянутые ранее звукоподражательные названия, имеющие в своей основе имитационное «кур» с вариантами. Именно поэтому имитационные варианты «кур» являются не только общеславянским достоянием, но, по свидетельству Германовича, широко распространены в тюркских и финно-угорских языках.

Вариант того же сигнала «ко-коко» послужил основой для древнеславянского корня «кокш». Этот корень в имитоне-призыве, т.е. лексико-голосовом варианте остался в западнорусских и белорусских говорах и звучит как «кокш-кокш». Он, как пишет А.И. Германович, «сейчас хорошо известен русским диалектам, всем славянским и многим индоевропейским языкам». Это еще один пример библингвистических параллелизмов. В лексическом варианте этот корень дал древнерусское название «кокош» для курицы, с вариантами по говорам. Отсюда, по всей видимости, и датское слово «коко» в русском языке для обозначения яйца. Слово «кокош» распространено во всех славянских языках: болгарское «кокошка» - курица; сербское «кокот» - петух; чешское «kouot, kohout» - петух; польское «kogut» - петух, «kokosz, kokoszka»-курица. Однокоренные примеры из этих языков можно привести и для звукоподражательных глаголов, типа «кудахтать». Те же имитоны характерны не только для родственных славянских, но и других неродственных языков, что также свидетельствует в пользу тезиса, что данные названия и глаголы являются библингвистическими параллелизмами.

Германович приводит санскритское «kakkutas», «kirkutas», «kukubhas» - петух, и греческое «κικαῖτη» - куропатка. Еще можно привести примеры обозначения петуха из романских и германских языков: французское «coq»; датское «кок» и английское «cock». Здесь мы лишь попутно коснулись названий петуха. Его сигнализация и возникшие на этой основе названия представляют собой тему для отдельного рассмотрения.

Другой класс представляют голосовые, лексические и лексико-голосовые имитации, основанные на пiske цыплят, которые в форме слов призыва выражаются средствами разных языков, как «цып-цып» или «тип-тип», с вариантами. «Русским диалектом известно слово «цып» как в широком значении птицы вообще, так и в видовом значении», - пишет Германович, ссылаясь на словарь Даля. В качестве примера можно привести лексические имитации из украинского языка: цип-чак - маленькая птичка, ціба - курочка. Однако, такие же примеры можно привести и из других индоевропейских языков: так, например, цыпленок по-осетински - «карчи-цъиу», а также из неродственных русскому тюркских и финно-угорских языков - чувашский: чепе «ципи», «чип-чип» (цып-цып); башкирский: «себеш», «сиби-сиби» (цып-цып); финский: tīpi; эстонский: tibu, tibi.

Третий класс составляет лексико-голосовые имитации, типа «пут-пут», «пат-пат» и «пиль-пиль». Они, вероятно, имеют основой сигнализацию индюшек. Нам не удалось обнаружить у кур сигнала, который послужил основой для формирования данных имитаций, известных болгарскому языку: плі-плі (наряду с «цып-цып»); литовскому и немецкому: put-put. В литовском языке словом «путэ» называется не только птица вообще, но и курица. В немецком языке с помощью имитона «put-put» применяют также уток, гусей и индюков. Отсюда, видимо, и название индюшки «Pute», а также детское слово «Putput» (курочка). Здесь, вероятно, произошло некоторое наложение имитационных сигналов разных видов одомашненных птиц, возможно при их совместном содержании, например, индюшек с курами. Отсюда и возникновение от акустического сигнала одного вида лексических вариантов названий для другого. В частности, название и промежуточные лексико-голосовые имитации типа «put-put» могли возникнуть на основе голоса индюшки и были перенесены на других домашних птиц. Например, вокатив «пили-пили» применяется в болгарском языке для привлечения уток и гусей, а в чувашском и мордовском языках для обозначения индюшки применяется слово «курка». В болгарском «патка» - селезень. От данного корня есть вокатив - «пати-пати», использующийся для привлечения уток. Древнерусские названия «птьька», «потька» и «птьа» в значении «птица» имеют в своей основе, по-видимому, сигнал индюшек. В слове «кур-о-патка» соединились два имитационных варианта «кур-кур» и «пут-пут». И, вероятно, само слово «птица» является конечным звеном цепи: сигнал индюшки - пут-пут-« -птица». Свидетельством звукоподражательного происхождения вокативов «put-put» и «сір-сір» является разграниченное их применение, соответственно, для взрослых птиц и для цыплят в литовском языке.

Цепи библингвистических параллелизмов, выявленные нами для диких птиц (Ильичев, Силаева 1991; Силаева 1987, 1998а, б), соответствуют таковым домашних птиц, в данном случае для кур. Например, названия кукушка - kukaska (чеш.) - kuckuck (нем.) - cooco (англ.) возникли на основе позыва самца кукушки, который в русском языке передается имитонем «ку-ку». Соответственно в основе цепи библингвистических параллелизмов для названия «курица» лежит контактный сигнал этой птицы - «ко-ко-ко» или «кур-кур». Курица (рус.) - курег (пермский и вотский говоры); къруш (аварский); корме (ганский); карк (осетинский); kurka (польский).

Имитационная система общения человека с домашними птицами возникла на основе сигналов самих птиц. Единый процесс формирования новых лексических единиц на основе сигнализации животных и птиц охватил практически все языки и использовал все остальные сигналы животных и птиц. В результате этого сложного и длительного процесса возникли слова, принадлежащие к самым разным частям речи, но несущие в себе сходный звукопод-

ражательный элемент голоса птицы. В качестве вторичных и третичных образований появились звукоподражательные глаголы («кудахтать», «кукарекать») и существительные, описывающие голоса птиц (воркование, свист, курлыканье, гоготанье, крикание), а также множество других лексических единиц.

Отличия слов подобного рода друг от друга в разных языках обусловлены генеалогической неоднородностью языков, различным и своеобразным в каждом языке действием грамматических законов, в частности, фонетических. Их сходства и различия с эталонным сигналом птицы определяются адаптационными особенностями, возможностями приспособления речевого аппарата человека к произнесению того или иного сигнала, а также вариантами воспроизведения одного и того же сигнала разными породами кур.

Процесс формирования лексических единиц на основе сигналов птиц представляет также значительный интерес для лингвистики, т.к. здесь мы более или менее ясно можем представить себе ход появления лексических единиц, принадлежащих к наиболее древнему лексическому слою; мы можем проследить отдельные стадии этого процесса от голосовой имитации, еще очень далекой от слова, включая формирование звукоподражательных вокативов, т.е. уже не криков, но еще не слов, и, наконец, появление настоящего слова как грамматической категории речи со всеми присущими ему для каждого отдельного языка характеристиками.

Литература

1. Ильичев В.Д., Силаева О.Л. К происхождению звукоподражательных названий птиц (эколого-коммуникативная гипотеза) // Инженерная этология, биоакустика и биолингвистика птиц. - М., 1991. - С.107-117.
2. Лоренц К.З. Кольцо царя Соломона. - М.: Знание, 1970. - 219 с.
3. Силаева О.Л. Экологические параллелизмы в номинациях, основанных на названиях птиц // Биоакустические синтезаторы и управление поведением птиц. - Вильнюс, 1987. - С.55-71.
4. Силаева О.Л. Звукоподражание как элемент поведения // Природа. - 1998 а. № 9. - С.16-24.
5. Силаева О.Л. Социально-экологические и биолингвистические аспекты звуковых имитаций птиц // Автореф. дис. ... докт. биол. наук. - М, 1998 б. - 43 с.

СИТУАТИВНОЕ И АССОЦИАТИВНОЕ ГОВОРЕНИЕ ПТИЦ

О. Л. Силаева (Москва)

Будучи талантливым этологом и зоопсихологом, К.Лоренц не мог обойти своим вниманием такое интереснейшее явление как говорение птиц. В своих работах он приводит наиболее интересные, на его взгляд, факты ситуа-

тивного воспроизведения человеческой речи птицами. При этом он отрицает возможности формирования у птицы ассоциативных связей. Следует пояснить, что в современной экологической биолингвистике под ситуативным говорением подразумевается связь высказывания птицы с ситуацией, а под ассоциативным – наличие прочных ассоциаций между предметом или действием, с одной стороны, и его словесным обозначением – с другой.

В своей оценке этого феномена Лоренц ориентируется лишь на те случаи говорения, которые были известны ему лично. Это принадлежавший профессору Отто Келеру серый попугай, который к месту произносил «Доброе утро» и «Добрый вечер», а когда гость собирался уходить, птица говорила: «Ну, до свидания». Другой серый попугай берлинского орнитолога Лукануса запомнил кличку ручного удода и произнес ее спустя девять лет, увидев другого удода. Кстати, этот случай вполне можно определить как факт ассоциативного говорения. Очень точно подмечено Лоренцом, что в момент сильного эмоционального возбуждения птица запоминает произнесенное выражение в твердой связи с соответствующей ситуацией. Такое К.Лоренц наблюдал на примере синеголового amazона, который страшно боялся трубочиста и, услышав всего три раза реплику «Трубочист идет...», применил ее к соответствующей ситуации. Другой случай произошел с ручной вороной по кличке Гансл, который сам рассказал о случившемся с ним происшествии: «Попалась в чертову ловушку».

Обобщая эти данные, К. Лоренц делает вывод о том, что птица, даже согласовывая свои высказывания с определенной ситуацией, не может применить свой дар для достижения даже простейших целей. Одновременно его удивляет эта высказанная им самим точка зрения. Он пишет, что это странно, т.к. животное приобретает новые формы поведения именно для того, чтобы использовать их для достижения определенных целей. Здесь К.Лоренц предвосхищает события в плане развития имитативных способностей птицы (Лоренц, 1970).

Последние достижения в области экологической биолингвистики (говорение птиц) показывают, что интуитивные предположения замечательного зоопсихолога оказались верны. При этом справедливо будет отметить, что ситуативное употребление речи птицами, граничащее с ассоциативным использованием человеческой сигнализации, было описано уже в работах А.Э.Брэмма, В.Л.Дурова. Вспомним хотя бы жако, описанного в «Жизни животных», книга издана в 1894 году А.Э.Брэммом. Этот попугай был куплен у капитана флота в 1827 г., в 1830 г. он перешел во владение к церемониймейстеру Ганиклу, жителю Зальцбурга, который регулярно с 9 до 11 утра и с 10 до 11 вечера давал ему уроки немецкого языка. Иногда занятия проходили и в другое время. Жако этот был очень внимателен к тому, что происходило вокруг, правильно отвечал на вопросы, выполнял приказы, приветствовал го-